

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛЕ, МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, АРХИВЫ

УДК 39.69.158 (470.55/58)

Предварительные итоги полевой работы в казачьих поселках Южного Урала (2002–2011)

ИЗАБЕЛЛА ИОСИФОВНА ШАНГИНА

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
Доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник главной категории
отдела этнографии русского народа
e-mail: iz.schangina@yandex.ru

В статье подводятся итоги полевой работы этнографов в казачьих селах Оренбургской и Челябинской обл. в 2002—2011 гг.; анализируется материал, собранный среди потомков казаков, характеризующий их отношение к своей группе, к старообрядчеству и официальному православию, а также к представителям других народов.

Ключевые слова: оренбургские, уральские казаки, менталитет, традиционная культура, «казачья вера», святыни.

UDC 39.69.158 (470.55/58)

Preliminary Results of Field Work in Cossack Settlements in the South Urals (2002–2011)

Professor ISABELLA I. SHANGHINA, D.Sc. (History)

Top Grade Researcher, Department of the Ethnography of the Russian People,
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
e-mail: iz.schangina@yandex.ru

The article sums up the ethnographic field work in the Cossack villages of the Orenburg and Chelyabinsk Regions in 2002 to 2011; the writer analyses the materials collected from the descendants of the Cossacks, which characterize their attitudes to their group, to the Old Believers and the official Russian Orthodox Church, as well as to members of other ethnicities.

Key Words: Orenburg and Ural Cossacks, mentality, traditional culture, "Cossacks' faith", sacred objects.

Полевые исследования среди русского населения Южного Урала (Оренбургская и Челябинская обл.) проводились сотрудниками Российского этнографического, Оренбургского областного краеведческого (ОИКМ), Челябин-

ского государственного краеведческого музеев (ЧГКМ) и Челябинского государственного университета (ЧелГУ). Исследования шли в течение десяти полевых сезонов с 2002 по 2011 г. В работе в разные годы принимало уча-

стие от 7 до 12 чел. Считаю своим долгом упомянуть основных участников экспедиций: О.Г. Баранова, Т.А. Зимица, Е.Л. Мадлевская, В.Г. Холодная, И.И. Шангина (РЭМ); Т.Я. Беломиццева, Ю.Э. Комлев, Т.А. Москаева (ОИКМ); О.В. Новикова (ЧГКМ); А.А. Рыбалко, Е.А. Чайко (ЧелГУ). Основной целью экспедиций было комплектование музейных собраний памятниками традиционной культуры и сбор информации по теме «Современное состояние традиционной культуры русского населения Южного Урала». За десять лет было обследовано 36 сел семи районов Оренбургской обл.: Илекского, Оренбургского, Первомайского, Пономаревского, Сакмарского, Ташлинского, Шарлыкского и 25 сел восьми районов Челябинской обл.: Ашинского, Бредского, Верхнеуральского, Еткульского, Катав-Ивановского, Нагайбакского, Нязепетровского, Уфалейского. Во время экспедиций было опрошено свыше 600 информантов – женщин и мужчин. Среди них ключевыми были люди 1920–1945 гг. рождения, которых принято считать носителями традиции. По отдельным разделам темы опрос проводился среди более молодых людей, в возрасте от 20 до 40 лет. Все информанты являлись уроженцами тех сел, где проходила работа, не выезжавшими надолго за их пределы. Много сведений было получено также у местных краеведов.

Материалы, собранные в экспедициях, позволяют охарактеризовать современное состояние традиционной культуры у трех основных групп русского населения Южного Урала, формировавшихся в разное время. Работа проводилась в поселках, где живут потомки казаков, заселявших уральские земли начиная с конца XVI в.; потомки горнозаводских рабочих, переведенных в XVIII в. из разных губерний Европейской России на Урал для работы на металлургических и железодобывающих фабриках; потомки крестьян, переселявшихся сюда в течение XIX в. и в начале XX в. из южных губерний Европейской России и губерний Среднего Поволжья.

Полученная во время экспедиций информация настолько велика по объему, что проанализировать ее в одной журнальной статье не представляется возможным. Для анализа был выбран материал, собранный среди потомков казаков, характеризующий их отношение к своей группе, к «казачьей вере» – старообрядчеству и официальному православию, а также к представителям других народов.

В Оренбургской и Челябинской обл. живут в основном потомки оренбургских казаков¹. Исследования проходили в следующих населенных пунктах Оренбургской обл.: станицы

Кардаилловская, Нижнеозерная, Верхнеозерная, Рассыпная, Чернореченская; поселок Дедуровский, Никольский Городищенской станицы, поселок Архиповка, Нижняя Павловка, Беловка Сакмарской станицы, поселки Раздольное, Яман, Краснохолмский Краснохолмской станицы. В Челябинской обл. экспедиция работала в поселке Краснинском Карагайской станицы, поселках Березинском и Натальинском Березинской станицы, поселках Брединском, Мариинском, Атаманском Наслединской станицы, хуторе Арсинском Верхнеуральской станицы, поселке Селезянском Еткульской станицы, поселке Каратабанском Каратабанской станицы. Уральские казаки занимают земли в юго-восточной части Оренбургской обл.² Во время работы были обследованы такие станицы, как Студеновская, Соболевская, Мухрановская, Илекская, поселки Крестовка, Бородинское, Ташлинское, Болдыревское, Кинделинское.

В XIX – начале XX в. оренбургское и уральское казачество представляли собой две этнолокальные группы русского населения Южного Урала³, каждая из которых имела свое самоназвание: оренбуры и уральцы (казара). Казаки отличались от своих русских соседей диалектом, некоторыми особенностями культуры и бытового уклада. Они настойчиво подчеркивали свое отличие, старательно противопоставляя себя другим русским, которых называли «мужланами», «музланами», «мужиками», «мужичьем». Казаки довольно высоко оценивали свою группу, считая себя строителями великой Российской империи, защитниками Отечества, верными слугами царя. В старинной казачьей песне говорилось: «Скажи нам, Царь, одно лишь слово: "А ну-тко, братцы казаки!" / И вмиг казачество готово, / И двинут все свои полки». Они полагали, что их образ жизни, их вера лучше, чем образ жизни и вера соседей-«музланов», гордились свои трудолюбием, образованностью, воинской доблестью. В то же время оренбургские и уральские казаки в отличие, например, от донских, считали себя частью русского народа, называя себя не просто казаками, а «русскими казаками». Казачий поэт А. Карпов от имени всех оренбургов писал: «Мы горды именем своим и русским именем гордимся, и признаваться не стыдимся, что мы всем русским дорожим...».

В настоящее время образ жизни потомков казаков ничем не отличается от образа жизни остального русского населения Южного Урала. Они утратили характерное для казачества в прошлом чувство превосходства, нет уже того высокомерно-пренебрежительного отношения к неказакам. Большинство населения Оренбург-

ской и особенно Челябинской обл. не выделяют казаков в качестве какой-то особой группы, настойчиво подчеркивая, что они просто русские. Казак С.П. Фролов (1926 г. р.) говорил нам: «Русские и казаки ничем не отличались. Эта раньше дурь наша была. По отцу всех звали: казаки, казаки. А какая разница <...>. Мы – русские, потому что наречие наше русское»⁴. Казачка из с. Архиповка в разговоре со мной постоянно повторяла: «Мы все были русские»⁵. Крестьянка из казачьего поселка Крестовка убеждала нас: «Казаки же русские. Казак – христианин, вера у них христианская, православная. А еще была отдельная поморская, своя <...>. Они все делают как мы, православные»⁶. За все время работы нам только один раз пришлось услышать о том, что казаки – нечто иное, чем русские. Старая уральская казачка из с. Болдырева Ташлинского района сказала нам: «Бывают просто русские, а бывают казаки, а бывают еще музлань»⁷.

В то же время в памяти людей сохраняются представления о некоторой «особости» казаков, их отличии от других русских. Потомки казаков считают, что их отцы и деды были людьми самостоятельными, хозяйственными, энергичными, деловыми, хваткими, верными долгу и данному слову, заботящимися о своей чести и чести семьи, чистоплотными. Казачка из Бородинска говорила: «Раньше настоящая казара была, вот я из такой семьи, настоящая казара <...>. Казаки шустрые, боевые такие, что-то у них как будто кровь другая была»⁸. Казачка А.К. Чечина: «Казаки имели гордый характер. У моей мамы он был гордый. Она очень гордая, и кланяться никому она не будет. Примерно такие были и остальные <...> и еще я знаю, казаки были добрыми»⁹. Казак из Бородинска считает: «Казак – он бешеный человек, он не щадит ни себя, никого [другого]. Если он пошел, то он пошел на смерть. Как в пословице: “Или грудь в крестах, или голова в кустах”»¹⁰. Другая женщина отмечает строгость казаков: «Раньше, если жена покажет кукиш казаку, то берегись, тяжело будет ложиться спать». Почти все наши казаки-информаторы отмечали такое качество, как трудолюбие: «Они – казаки, трудолюбивые, честные. Самое главное. <...> прадед мой, как он рассчитывал работников честно!»¹¹. И.П. Зубков из Бородинска рассказывал нам: «Казак должен он был за собой смотреть, чтоб был в порядке. Как сам, так и у него в хозяйстве должен быть порядок, также и дети. Иначе нельзя, тогда какой же ты казак. Всегда должен быть опрятным, чистым, и на дворе должно быть чисто, и сбруя все не просто так, это шалаяй-валяй»¹². Одной из главных особен-

ностей, считают наши информаторы, было умение казаков выживать в любых условиях, надеясь только на самих себя.

Потомки неказачьего населения Оренбургской обл., соглашаясь с этим, в то же время отмечают и такие черты характера казаков, как гордость, высокомерие, недоброжелательность («воды не дадут попить»), а также некоторую нестандартность поведения, которая расценивается как своего рода «придурищность».

Большинство потомков казаков, с которыми мы разговаривали, не считают себя казаками. По их представлениям, современные мужчины и женщины из казачьих семей утратили право на такое звание. Мужчина 1953 г. р. из с. Беловки Сакмарского р-на говорил нам: «Ну, я вот свою деревню люблю, но я ведь себя “казак” называть не буду, потому что ведь все утрачено. Но дед у меня был казаком, прадед был казаком, и я вроде казак. Но нет...»¹³. Потомственный казак 1936 г. р. из с. Киндели говорил нам: «Казаки! Какие теперь казаки? Это раньше были казаки – защитники родины <...> Мой отец со шпорами и шашкой сфотографирован»¹⁴. Молодая женщина передала нам мнение своей матери-казачки о современных казаках: «Моя мама говорила: “Ну, г... , ну какие уж там казаки остались. Остались, господи прости, одно г... , и то, посмотри, попыряются”»¹⁵. Казаки, по их мнению, даже внешне изменились, утратив не только казачью форму, но и щегольство, присущее настоящим казакам, – «а раньше-то сапоги хромовые, начищенные, а набекрень шапка – зимой-то каракулевая, летом как фуражка. Но после войны это все сладилось»¹⁶.

В то же время некоторые черты, характерные для казачества в прошлом, продолжают жить и в наши дни. Прежде всего, это гордость за своих предков и стремление сохранить о них живую память. Во многих казачьих семьях Оренбургской обл. имеются фотографии дедов и отцов в мундирах с шашками, хранятся на память некоторые «праотеческие» вещи: именные награды, знаки войсковой принадлежности, знаки отличия за военные кампании, лялунки (сумки для патронов) и т. д. При этом фактически никто не соглашался передать подобного рода вещи в музей. Такое отношение к семейным реликвиям вызывает уважение, тем более что в годы репрессий на казаков их хранение могло принести значительные неприятности.

Гордость за предков проскальзывает во всех рассказах оренбургских и уральских казаков о событиях давней и недавней истории. Казак 1921 г. р. из с. Бородинского Ташлинского р-на, передавая события, вероятно, XVIII в., с большим подъемом рассказывал нам о борьбе казака

Рыжика с казаками. По его словам, они «девок крали, баб крали, скот угоняли», делали «жисть тяжелой и безбожной». Рыжик «собрал всех, кто способный <...> и они как перцу дали казакам <...> и с тех пор им-то отбили лапу»¹⁷. В современных рассказах «о старине» обычно с одобрением отмечается такое качество казаков, как верность воинскому долгу. Особенно это заметно в рассказах о Гражданской войне, когда большинство уральских и оренбургских казаков оказалось в белом лагере. Их сыновья и внуки считают, что отцы и деды в данном случае поступили так, как положено казаку: сохранили верность присяге, служили царю и Отечеству. В с. Краснинском, последней ставке атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова (1879–1921), возглавившего борьбу с Красной армией, мы не услышали никаких осуждений в его адрес.

Следует также заметить, что гордость за предков проявляется не только у людей старшего поколения, но и у людей младших по возрасту. По словам краеведа из с. Кардаиловского, каждый мальчик в селе знает не только имя, отчество, фамилию своих предков по отцовской и материнской линиям, но и может перечислить, в каких полках служили, в какие походы ходили и чем прославились. Если кто-то из ребят заденет его честь или честь семьи, то в первую очередь он укажет обидчику на то, что его семья достойна уважения, так как ее мужчины – храбрые воины. Характерной чертой является также то, что многие юноши из казачьих семей после окончания школы поступают в военные училища, так как их, по словам казака из с. Кардаиловского, «прельщает дедовская слава». Один молодой казак-лейтенант, приехавший в отпуск к родителям в с. Беловку, сказал нам, что он выбрал военную специальность потому, что военными были его прадед и дед. Пожилая казачка, рассказывая о своем сыне, служившем по контракту в Чечне, объясняла нам, что он поехал туда, чтобы «послужить Отечеству».

Потомки казаков сохранили и другие яркие качества своих предков: трудолюбие и умение выживать в любой ситуации. Это подчеркивают и они сами. Пожилая женщина из с. Архиповки, происходящая из старинного казачьего рода, считает, что все ее дети и внуки прекрасно устроились в жизни (имеют хороший бизнес в Оренбурге, много зарабатывают) благодаря «казачьей кулацкой жилке».

Такая черта поведения казаков, как несколько настороженное отношение к людям иной национальности и религии, прежде всего к казакам, сохраняется в какой-то степени и в наши дни,

особенно среди старшего поколения. Казахи сейчас живут в ряде обследованных нами казачьих сел Оренбургской обл., таких как Иртек, Кардаиловское и некоторых других. Сюда они переехали в основном в 1990-е гг. из Казахстана после распада Советского Союза. Внешне взаимоотношения казаков и казахов выглядят как дружественные: конфликтов между казаками и казахами, которых старшее поколение здесь называет кыргызами, замечено не было. Однако после длительных разговоров с некоторыми потомками казаков выявилось своего рода недовольство тем, что казахи переехали в их село, которое всегда было казачьим. Это, например, проскальзывало в разговорах с жителями с. Кардаиловское, где казахи сейчас составляют почти 13% населения. Особенно ярко отношение к казахам проявлялось, когда в ходе беседы затрагивался вопрос о межнациональных браках. Казачка из с. Архиповки мне рассказывала: «Вот у нас племянник родной, у него сын, так он кыргызку привел. Уговаривали, уговаривали, сколько слез пролили, что поганишь род мой. Она ушла. Он опять привез кыргызку новую, эта родила девочку. Хорошо ли, плохо ли, но живут вот!» На мой вопрос «Вам не нравится этот брак?», информатор ответила: «А то ндравится? Он опозорил сам себя, и мать с отцом ничего не сделали. Разве это хорошее дело – кыргызку привел. Ну, куда ж нам кыргызы. Бывало, нас пугали: “Вот погоди, кыргыз придет”»¹⁸. Надо полагать, что такое отношение казаков старшего возраста к казахам обусловлено традицией, своего рода «заветом предков». На протяжении столетий оренбургские казаки, находясь на рубеже между азиатским Востоком и европейской частью Российской империи, вступали в борьбу с кочевниками. Набеги кочевников на казачью территорию имели место еще в 1920-е гг. Казачка 1947 г. р. из с. Бородинска Ташлинского р-на объясняла нам: «Говорят, что казахи воровали наших казачек, и когда завезут их на ту сторону реки Кош, говорили: “Ну, кричи теперь своим “кош” – прощай”. Всегда воровали женщин наших, женами их делали. И поэтому не очень любили казахов у нас»¹⁹. Другой информатор: «Ведь казахи всегда коней воровали, зависть всегда была. Воровали больше во время пастьбы. Далеко угоняли, к Уралу»²⁰. Информант из с. Архиповки 1932 г. р. рассказывала, что даже на ее памяти казахи нападали на казачьи села, отнимая лошадей. Кроме того, казахи исповедовали ислам – религию, которую православные казаки считали «неправильной».

В ходе полевых исследований удалось выяснить также отношение потомков казаков к тра-

диционной для них религии: официальному православию и старообрядчеству. Старообрядчество особенно широко было распространено среди уральских казаков. В 1901 г. его исповедовали около 50% уральцев, придерживавшихся в основном беспоповских согласий и, частично, белокриницкого согласия, называвшегося у них «австрийской верой». Среди оренбургских казаков старообрядцы составляли только 4,6%, но при этом 30% оренбургов придерживалось единоверия или, как его еще называли, церковного старообрядчества²¹. Уральцы считали старообрядчество «нашей казачьей верой». Они, по выражению исследователя начала XX в., «устроив свою жизнь на строго религиозных началах, крепко берегли свободу и неприкосновенность своей веры <...> отвергая все новшества, могущие повредить их религии»²².

В ходе полевой работы мы старались выяснить, насколько хорошо сохраняют «старую веру» потомки уральских и оренбургских казаков. Оказалось, что ее сохранность различна в зависимости от района расселения. В поселках уральских казаков Илекского, Ташлинского, Первомайского районов коренное население имеет довольно расплывчатое представление о том, какой конфессии придерживались их деды и родители. Некоторые из наших информантов неуверенно говорят, что они «вроде бы были какими-то астрицкими». Они называют себя православными, ходят молиться в открытые Московским патриархатом православные храмы, но отдельные элементы богослужебного обряда выполняют «по-своему», «как деды наши делали» (сохраняя двуперстие, поклоны при молениях), т. е. в соответствии с древними отложившимися в памяти канонами. Это вызывает неприятие священников и приводит к их конфликту с прихожанами.

В том случае, если в селе нет церкви, то пожилые жители поселков для проведения служб по церковным праздникам собираются в моленных (молебных) домах. В них приходят как те, которые считают себя православными, так и те, кто вспоминает, что они из «астрицких» или «единоверческих». При этом затрудняются объяснить разницу в «верах» и не видят ничего предосудительного в совместных богослужениях. На этих моленных сборах они часто поют духовные стихи, которые раньше были прерогативой старообрядцев. В домашний иконостас могут поставить рядом со старообрядческими иконами, доставшимися от предков, современную икону, купленную в церкви.

Более прочно старообрядчество удерживает свои позиции в селах Сакмарского района. Это вероятно объясняется тем, что в прошлом Сакмарская станица вместе с относящимися к ней селами была оплотом оренбургского старообрядчества. Здесь самоидентификация старообрядцев-беспоповцев продолжает оставаться достаточно четкой. Они отделяют себя от окружающих по конфессиональному признаку: «Мы поморской истинной веры». При этом хорошо знают не только, какую веру исповедуют, но и чем она отличается от «церковной», т. е. от официальной православия. Обычно идет такое перечисление: отрицание церкви, двуперстное крестное знамение, благословение вместо венчания, иные, чем у «церковников», обряды крещения и погребения, иное, чем в православной церкви, исполнение молитв на молениях, наличие духовных стихов. В каждом селе имеется группа женщин и мужчин, которые получили благословение от старших наставников на «божье дело». Они собирают верующих в свои дома для моления, освещают в праздник Богоявления воду, занимаются чтением молитв по покойникам, крестят детей, дают благословение на брак молодым людям. Они имеют богослужебные книги, напечатанные во второй половине XIX в. и передающиеся по наследству, хорошо знают духовные стихи.

Однако «казачья вера» в последние десятилетия пятнадцать лет и здесь, по выражению одной из наших информантов, «дала трещину». Наиболее выразительным примером этого явления может быть следующий эпизод. Казачка 1932 г. р. прочла мне духовный стих о грешной душе, которая обвиняет тело в том, что из-за него она не попадет в рай. После чтения я получила такой комментарий: «Я вот-то спою-то, когда покойник-то, плачем. А если так меня заставляют петь, то говорю: “Она бы в раю была, жопой на краю. Тело виновато! Ты ведь телом командовала, душенька! Ты чего командовала, а тело лежит себе, чего оно запретного-то сделало? Винит тоже душенька тело, а тело-то не виновато. Душенька-то ведь на соображала все”»²³.

Кроме того люди, продолжая оставаться приверженцами староверия, утратили интерес к обрядности. Большинство казаков не ходят на моления, не умеют читать старообрядческие книги, не знают молитв или знают только «Отче наш», не постятся, забывают получить благословение на брак. Единственно, что исполняется всеми потомками казаков-старообрядцев – это обрядность, связанная с рождением и смертью. Каждая казачья семья в Сакмарском

районе обязательно крестит ребенка «в старообрядческую веру», а также приглашает «моленных людей» для чтения молитв по покойнику. Однако, несмотря на отступление от старообрядчества, которое в последние годы имеет место в этом районе, нами был зафиксирован только один случай перехода старообрядца в «церковную веру». Переход же в старообрядчество совершается чаще в случае вступления в брак с «церковным», но по настоянию старших.

Потомки казаков, принадлежащие к официальной православной церкви и считающие себя верующими людьми, в большинстве своем достаточно равнодушны к церкви и церковным обрядам. Они совершенно спокойно обходятся без церковного богослужения и многих треб, не имеют духовника и соответственно не обращаются к нему за помощью, не посещают церковь даже на Пасху и Рождество, не знают никаких молитв. При вступлении в брак не венчаются и не настаивают на том, чтобы венчались их дети. Свою приверженность к официальной православии они проявляют лишь наличием икон в доме, которые часто не могут идентифицировать, крещением детей, отпеванием умершего, обычно заочным, использованием крещенской воды в лечебных целях, посещением кладбища на Радоницу или в Троицкую субботу, в зависимости от местной традиции.

В то же время в казачьих поселках имеется группа людей, прежде всего женщин пенсионного возраста, которые осознают необходимость для верующего человека посещать церковь, исполнять положенные обряды и т. д. Они изредка посещают храм, правда, в основном в том случае, если он находится в их селе, объясняя редкость посещения своей немощью, время от времени исповедуются и причащаются, молятся перед домашними иконами, читая «Отче наш» и «Богородица, дево, радуйся» в ее сокращенном варианте, иногда постятся в Страстную неделю, всегда крестят младенцев и отпевают покойников. Эти люди имеют дома церковные календари, знают названия Двенадцатых праздников, но не могут объяснить, какому событию христианской истории они посвящены. Они в тяжелых жизненных ситуациях обращаются за помощью к Божьей Матери, а также к таким святым, как Георгий Победоносец – святой покровитель Оренбургского казачьего войска, к Михаилу Архангелу – покровителю уральского казачества и к Николаю Чудотворцу.

Значительно меньшее количество людей из казачьих семей полностью воцерковлено. Они регулярно посещают церковные службы, особенно, если церковь находится в их селе. В даль-

ние церкви ездят по воскресным и праздничным дням. Они постятся не только в дни больших постов, но и в среду и пятницу, молятся утром, вечером и перед приемом пищи, регулярно исповедуются и причащаются, ежегодно соборуются, так как считают, что это полезно для души, знают события, отмечаемые в церковные праздники, читают дома Евангелие и жития святых. Они – главные помощники священника во время богослужения: поют на клиросе, продают свечи и церковную литературу, принимают записки во здравие и во упокоение, обмывают покойников, читают молитвы над гробом усопшего и на кладбище в дни поминовения, организуют во время засухи молебны о дожде, ездят на богомолье, если позволяет здоровье. Однако таких активных прихожан в селах довольно мало: от 10 до 20 человек, преимущественно женщин пенсионного возраста.

При таком достаточно прохладном отношении к православной церкви в казачьих и неказачьих обществах Южного Урала сохраняется культ чудотворной иконы Табынской Божьей Матери. В XIX – начале XX в. она считалась божественной покровительницей Оренбургского и Уральского казачьих войск и воспринималась населением как покровительница и защитница всего русского народа Урала. Она, как тогда говорили, «простирала свой покров над всем православным населением за Уралом». Ее образ имелся в каждой казачьей церкви и в каждом домашнем иконостасе наряду со Спасителем, Божьей Матерью, Иоанном Предтечей, Георгием Победоносцем или Михаилом Архангелом. Этой иконой благословляли казачьи полки, отправлявшиеся в военные походы, к ней обращались во время войн с просьбами о победе над врагом и спасении казаков от гибели. По мнению верующих, она исцеляла от болезней, защищала от колдовства, помогала при засухе.

В настоящее время такого широкого почитания этой иконы на Южном Урале, как раньше, нами не было замечено. В православных храмах и домашних иконостасах она встречается довольно редко, хотя имеется в каждой церковной лавке. Многие наши информанты, даже воцерковленные, не смогли описать нам, как выглядит этот образ Богородицы и чем он знаменит. В то же время в праздник иконы – девятую пятницу по Пасхе, в с. Табынь Красноусольского района Башкортостана, место ее обретения в 1594–1597 гг., и на озеро Пустое около с. Краснинского Челябинской обл., также связанное с поклонением ей, приезжает огром-

ное количество паломников со всего Южного Урала.

Наши информанты, совершившие паломничество в Табынь, рассказывают о чуде, которое происходит только в этот день на глазах многотысячной толпы верующих: начинает бить родник, воду которого обычно называют «слезами Божьей Матери». Это свидетельствует, как считается, о том, что для Русского государства и русского казачества год до следующей девятой пятницы будет благополучным. Если с. Табынь собирает паломников со всего Южного Урала, то оз. Пустое, также связанное народной молвой с Табынской иконой, почитается в основном жителями Челябинской обл.

По мнению потомков казаков поселков Краснинского и Арсинского, расположенных рядом с озером, явление иконы Табынской Божьей Матери произошло в прадедовские времена именно на этом озере. Легенда эта возникла, вероятно, сравнительно недавно и является контаминацией в умах людей поверья о явлении на озере Пустом иконы Прасковей Пятницы, о котором еще лет 30 назад рассказывали старые люди, и торжественного крестного хода с Табынской иконой, проводившегося вплоть до 1917 г. в Оренбургской губ. Крестный ход останавливался около оз. Пустого для молебна и передачи иконы из одного каза-

чьего поселка в другой. Празднование иконы на озере Пустом собирает в девятую пятницу также много верующих, надеющихся на получение благодати от иконы. В нем принимают участие священники из городов Челябинска, Магнитогорска, Верхнеуральска и окрестных сел, монахи, учащиеся духовного училища Челябинска и множество верующих. Около озера проводится молебен, читается акафист Божьей матери, а затем устраивается крестный ход вокруг озера. По ходу его верующие проползают под иконами в надежде на получение благодати и исцеления от болезней. Озеро является местом паломничества не только в девятую пятницу, но и в другие дни.

Наши информанты убеждены, что богомольная поездка к Табынской иконе Божьей Матери дает верующему человеку душевное спокойствие, надежду на лучшее, уверенность в будущем.

Во время полевых работ собирались также и другие материалы, характеризующие традиционную культуру казаков: жилище, одежду, пищу, народный календарь, обряды жизненного цикла, верования. Собранные сведения хранятся в архиве Российского этнографического музея, в секторах рукописей Оренбургского и Челябинского краеведческих музеев.

Результаты экспедиционной работы по российско-французской программе «Этно–Олень»

ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА ГОРБАЧЕВА

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

Кандидат исторических наук, заведующая отделом этнографии народов Сибири и Дальнего Востока

e-mail: valentinagor@yandex.ru

В статье рассматриваются экспедиционная и научно-исследовательская работа в совместном российско-французском проекте «Олень в культуре народов Сибири» («Этно–Олень»).

Ключевые слова: природопользование, культура жизнеобеспечения, народы Сибири, артефакты, локальная группа, олень, оленеводы, охота.

UDC 39

Results of Expedition Work within the Framework of the Russo-French Project Named Ethno–Reindeer

VALENTINA V. GORBACHEVA, PhD (History)

Head, Department of the Ethnography of the Peoples of Siberia and the Russian Far East,

Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia

e-mail: valentinagor@yandex.ru

The article gives an account of the field and research work in the joint Russo-French project entitled The Reindeer in the Culture of Siberian Peoples (“Ethno–Reindeer”).

Key Words: natural resource management, sustainability culture, peoples of Siberia, artefacts, local group, reindeer, reindeer herder, hunting.

¹ Оренбургское казачье войско, Второе по старшинству среди казачьих войск Российской империи, ведет свое начало с 1574 г. Как самостоятельное образовано в 1748 г. и в дальнейшем формировалось за счет казаков, переселенных с южных границ Российской империи. Войсковой праздник установлен 23 апреля / 6 мая, в день памяти св. Георгия Победоносца. В настоящее время потомки казаков живут в Башкортостане, Оренбургской и Челябинской обл.

² Уральское казачье войско ведет свое начало с 1591 г.; до 1775 г. называлось Яицкое казачье войско. В настоящее время потомки казаков живут в Казахстане и на юго-востоке Оренбургской обл. Войсковой праздник установлен 8 (21) ноября, в день памяти св. Михаила Архангела.

³ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса – М., 1983. – С. 85, 353; Изюмов А.И. К вопросу об областной идеологии казаков-старообрядцев Урала // Старообрядчество: история, культура. Современность: Материалы научно-практической конференции. – М., 2000. С. 58.

⁴ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 124. Л. 12.

⁵ Там же. Д. 135. Л. 8, 9.

⁶ Там же. Д. 124. Л. 11 об.

⁷ Там же. Д. 134. Л. 43 об.

⁸ Там же. Д. 133. Л.43 об.

⁹ Там же. Д. 124. Л. 25, 25 об.

¹⁰ Там же. Д. 125. Л. 3 об.

¹¹ Там же. Д. 160. Л. 6 об.

¹² Там же. Д. 124. Л. 39 об.

¹³ Там же. Д. 143. Л. 143.

¹⁴ Там же. Д. 125. Л. 1, 1 об.

¹⁵ Там же. Д. 124. Л. 60.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 124. Л. 34 об.

¹⁸ Там же. Д. 135. Л. 9 об.

¹⁹ Там же. Д. 124. Л. 34 об.

²⁰ Там же. Л. 34 об.

²¹ Футорянский А.И. Казачество на рубеже веков. – Оренбург, 1997. – С. 54.

²² Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. – Вып. 1. – Оренбург, 1900. – С. 99.

²³ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 135. Л. 15 об.

Территория Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока – уникальный регион нашей страны, обладающий богатейшими запасами различных полезных ископаемых. Не меньшим богатством сибирского региона является культура коренных народов, отражающая многовековой опыт взаимодействия человека с суровой природно-климатической средой, определившей не только многообразие форм природопользования, но и систему жизнеобеспечения населения.

Активное промышленное освоение Сибири и значительные преобразования постперестроечного периода оказали существенное влияние на процесс изменения традиционной культуры коренных этносов. У многих из них исчезли не

только традиционные типы жилищ, одежда, предметы домашнего обихода, утварь, но и многие знания об окружающем мире, территории проживания. Единственными носителями сохранившихся традиций в настоящее время являются люди старшего поколения, но в среде коренного населения уже наблюдается рост национального самосознания, стремление к сохранению своей идентичности и самобытности культуры, возникает потребность в возрождении утраченного и передаче традиций подрастающему поколению.

В сложившейся ситуации интерес у российских исследователей к всестороннему изучению коренных, особенно малочисленных, народов этого региона, значительно усилился. Вполне